

ЭТИМ ДЫШУ
И ЖИВУ

— Александр Алексеевич, собрание сочинений является итогом вашего большого творческого пути, в нем как бы в концентрированном виде выражена ваша биография, биография вашего времени, биография нашей страны. Скажите, пожалуйста, как складывалась ваша творческая судьба, все ли было у вас гладко или встречались трудности? Ведь годы, на которые пришлось ваша юность, были сложными и суровыми...

— В литературу, конечно, входить нелегко, ведь это — человековедение. Но время людей моего поколения было все же особым. Мы, как говорится, хлебнули досыта, хоть и юнцами, царских щей — пустых и холодных, своими глазами видели помещика и капиталиста и как гнули на них спины мужики и рабочие.

А когда свершилась Октябрьская революция, мы сердцем почувствовали — произошло что-то очень важное, грандиозное. Мы поняли, что старому пришел конец, родилась новая власть, она, как говорят, трудовая, рабочая и крестьянская, ее надо поддерживать, и прежде всего нам, молодым, нужно всем впрягаться в новую жизнь и шаг за шаг по ней тверже и увереннее. Я и некоторые мои товарищи вступили в комсомол, меня избрали секретарем ячейки в можайской школе, а в пятнадцать лет я возглавил Можайский уком РКСМ и стал членом Московского губкома комсомола. Потом переехал в Москву, учился в Московском университете, в 1920 году вступил в партию. Никогда не забуду октябрь 1920 года, когда на III съезде комсомола с речью выступил Владимир Ильич Ленин. Мне посчастливилось быть делегатом этого съезда и слушать Ленина...

— А как вы пришли в литературу, Александр Алексеевич? В «Литературных записках», опубликованных в третьем томе ваших сочинений, говорится, что вас заметил сам Валерий Брюсов...

— Да, это счастье, что меня заметил Валерий Яковлевич Брюсов, поэт высочайшей культуры, энциклопедических знаний. Он, как известно, прошел очень сложный творческий путь, но это не помешало ему, рафинированному интеллигенту, после революции активно включиться в строительство новой социалистической культуры. В 1920 году он был принят в партию. Брюсов вел литературный семинар, я его посещал. Брюсов однажды дал нам задание написать стихи на вольную тему. Слушатели семинара читали их потом Валерию Яковлевичу. Я тоже прочитал. Валерий Яковлевич похвалил, отметил в них присущую тому времени ритмику — чеканную, напористую... Стихи мои — «Смейся, ветер!», «Ледоход», «На конях», «Имя мое — комсомолец» — стали появляться в газетах и журналах.

— А когда ваша первая книга вышла?

— Давно это было, в 1924 году, называлась она «Ледоход», а в 1925 году ее переиздали, и предисловие к ней написал Анатолий Васильевич Луначарский. В нем говорилось о комсомольских поэтах: «Это — дети революции. Они, так сказать, бежали без штанов в то время, когда она совершалась, они превратились в мужчин, а часть даже только в юношей, лишь после семи революционных годов, прошумевших над их головами». И в этом определении была выражена суть того нового явления-феномена, который назывался комсомольской поэзией.

— Александр Алексеевич, в вашем творчестве, как утверждает критика, решающее значение сыграла поэма «Гармонь», с нее, мол, начинается настоящий поэт Александр Жаров. Так ли это? На мой взгляд, такое утверждение слишком категорично... Раньше «Гармони» вы написали еще несколько поэм — «Комсомолец», «Мастер Янов», «Азиат...

— Что можно сказать по этому поводу? Конечно, такое утверждение неверно, хотя оно действительно встречается у некоторых критиков. «Гармонь» подготовлена всем моим предшественным творчеством. Но она создавалась в иных условиях, чем те поэмы, которые вы назвали. Я задумал «Гармонь», когда, образно говоря, страсти несколько улеглись, утихомирились, народ энергично

Александр
ЖАРОВ:

«Жизнь моя, и судьба, и мечта!»

взялся за восстановление страны, люди, их дела как бы приблизились к нам, литераторы стали пристальнее всматриваться в своих современников. И все это вместе взятое позволило создавать произведения более глубокие по своему психологизму и образности. Так случилось и с «Гармонью».

Жаров встал, подошел к полке с книгами. Взял несколько из них, положил на стол, начал показывать дарственные надписи на них. Здесь книги от Семена Михайловича Буденного, генерала армии Афанасия Павлантьевича Белобородова, сборники поэтов Самуила Маршак, Александра Прокофьева, Петра Комарова, Михаила Исаковского... Александр Алексеевич зачитал трогательную надпись на книжке Виктора Полторацкого, датированную 26 апреля 1982 года: «Александру Жарову, моему вождю с юности и до сих пор, с нежной любовью и благодарностью». Но возвратимся снова к нашей беседе.

— Александр Алексеевич, а как появилась у вас идея поэмы «Гармонь»?

— Собственно, она не могла не появиться. Я сам от земли, рано познал крестьянский труд, люблю свой край, поле, лес, луга. Душа моя была вся в деревне, среди мужиков, с народом. Но нужно было организовать вокруг комсомольского актива сельскую молодежь. А чем ее завлечь? Как привести в кружки, ячейки, посадить за книгу... По тем временам дело трудное было. Парни — куда ни шло: быстрее поддавались агитации и вливались в комсомол. А как быть с девчатами? Бывало, если родители узнают, что их дочка записалась в комсомол, — несдобровать ей. Много было темных людей тогда в деревнях. Так чем же объединить молодежь на селе? Как это сделать? Вот тут-то одним из главных агитаторов за комсомол и была голосистая двухрядка-гармонь. Она пела на вечеринках, посиделках, пела в праздники и будни. А если она в руках таких гармонистов, как мой герой Тимошка, — так ей просто цены не было... Это-то и натолкнуло меня на мысль — воспеть наше новое село, новую деревню, нашу комсомольскую юность через проказницу-гармонь.

Появлению «Гармони» я обязан и газете «Комсомольская правда», в ней мне довелось активно сотрудничать. С удостоверением «Комсомолки» объездил всю страну, мои представления о селе и городе расширились и углубились, стали масштабнее. Я видел, что в деревне происходят огромные перемены, но им оказывают сопротивление отживавшие элементы. Потому-то в поэме и нашли свое отражение классовое расхождение на селе, борьба нового

Удивительно быстро летит время! Кажется, совсем недавно мы встретились с Александром Алексеевичем Жаровым в небольшом уютном домике, что затерялся среди деревьев дачного подмосковного поселка, а гляди же ты, десять лет уже с той поры промелькнуло — тогда Жарову, как он сам выразился, «стукнуло» семьдесят. Мы привезли Александру Алексеевичу экземпляр книжечки, только что вышедшей в «Библиотеке журнала «Советский воин», которую он назвал «На семидесятой высоте». В книжку вошли стихи и песни разных лет, над ней поэт, как всегда, тщательно работал, отобрал в сборник свои лучшие лирические стихотворения. Книга была рассчитана на солдат и матросов и должна быть звонкой, задушевной.

И вот с того времени минуло целых десять лет... Тот же маленький домик под голыми озябшими апрельскими деревьями, та же небольшая веранда, застекленная от ветров, рабочий кабинет с простым столом у окна, на нем выдвинуты виды пишущая машинка...

В 1980—1981 годах у Александра Алексеевича Жарова вышло собрание сочинений в трех томах. В них — стихотворения и поэмы, песни и литературные записки. С этого трехтомника, что в темно-красном переплете лежит перед нами, и начался наш разговор.

Леонид ЛЕОНОВ и Александр ЖАРОВ. 60-е годы.

Фото из архива А. ЖАРОВА

со старым, победа добра над силами старого мира.

В поэме не случайно действуют две гармонии: одна в руках комсомольца Тимошки, а другая — у Антипа Тимошкина гармонь голосиста, жизнерадостна, она поет «Интернационал»...

— Александр Алексеевич, в вашем творчестве просматривается героико-патриотическая тема. Почему вы так много уделяете ей внимания? Некоторые поэты, как только отгребели пушки, «перекладывали мечи на орала»...

— Героико-патриотическая тема в моих стихах не только, как вы сказали, просматривается. Она органически входит в них. Оборонная тема — это не ведомственная тема. Защита Отечества — священная обязанность каждого гражданина СССР. Так записано в Конституции, нашем основном законе. Поэтому мы, поэты, просто не имеем права не говорить об армии, флоте. Ведь это наша народная армия, наш народный флот, и служат они народу, и только народу. Я до сих пор дружу с моряками, совсем недавно выступал у них, они мне подарили на память чеканку с изображением подводной лодки...

Как только началась война, лучшие поэты и прозаики пошли в армию и на флот. Я тоже надел военноморскую форму. Где только не носила меня война! Почти на всех флотах побывал. Писал много, старался откликнуться на важнейшие события, воспеть подвиги военных моряков и авиаторов. Уже в 1941 году написал поэму «Бо-

гатырь» — о героическом подвиге матроса Северного флота Ивана Сивко, который последней гранатой взорвал себя и врагов; в сорок втором году напечатал поэму «Керим», посвященную капитану 2-го ранга Магомету Гаджиеву, отважному военному моряку. Год спустя появилась поэма «Борис Сафонов» — о дважды Герое Советского Союза, командире истребительного авиационного полка и его сослуживцах. Конечно, на эти поэмы наложила свой отпечаток спешка, но тогда и надо было спешить, потому как шла война и о подвигах людей следовало рассказывать в очерке, репортаже, корреспонденции, стихотворении, поэме по горячим следам.

— Вы, как говорится, с первых своих поэтических опытов обратились и к песне, в трехтомнике есть целый раздел, который так и называется — «Песни». Он отбивается знаменитой до сих пор — «Взвесьте костра». Это одна из самых первых советских массовых песен, она помечена 1922 годом. Ее пели и поют все поколения нашей пионерии. Потом, во время и после войны, были очень популярными песни «Грустные ивы», «Пой, моя хороша!», «Сад-виноград», «Ходили мы походами» и другие. Но, пожалуй, самой известной вашей песней является «Заветный камень». Недаром в одной из телевизионных передач ее первый исполнитель Леонид Осипович Утесов сказал примерно следующее: «Есть у нас царь-пушка, есть царь-колокол и есть царь-песня — это «Заветный камень»...

— Я слышал это высказывание Утесова, мне лестно, что

он так высоко оценил мою и композитора Бориса Мокроусова песню, но Утесов все же, пожалуй, несколько преувеличил. За годы войны создано очень много песен, ставших советской классикой.

— И все же расскажите поподробнее о создании этой песни.

— В самые первые дни войны мы с композитором Борисом Мокроусовым оказались в Севастополе. Оба были призваны в Военно-Морской Флот. И уже в июле 1941 года начали работать над песней. Мы только что побывали на кораблях, в береговых батареях, видели черноморцев — героев первых боев. Но тогда, к сожалению, создать песню не смогли. Меня срочно отозвали в Москву, а Мокроусов остался в Севастополе. Я написал всего лишь две строчки: «Холодные волны вздымают лавиной широкое Черное море». Вскоре меня направили на Северный флот. Вернулись мы с Борисом к песне лишь в 1943 году в Москве. При встрече композитор рассказал мне легенду, ходившую на Черноморском флоте, о севастопольском камне, который якобы взял с собой один моряк, когда наши оставили город, с тем, чтобы, вернувшись в Севастополь, положить этот камень именно на то место, откуда он был взят. Эта легенда идет от нашего доброго обычая — брать с собой, временно оставляя родные края, горсть земли или кусочек камня, чтобы духовно и физически всегда быть связанным с этим краем. Мокроусов говорил мне, что в газете Черноморского флота он даже читал очерк «Севастопольский камень», в котором излагалась легенда. Кстати, я и сам еще до Мокроусова слышал ее не раз от бывалых моряков-черноморцев, защищавших город. Эту легенду мы приняли горячо к сердцу и сделали несколько вариантов песни, которую назвали «Заветный камень». Кстати, и две те строчки, которые я написал в 1941 году, очень пригодились. Стихи на редкость удачно слились с музыкой, а когда песню исполнил Леонид Утесов, мы поняли — она пойдет в народ...

— Александр Алексеевич, читатели газеты «Литературная Россия», автором которой вы являетесь многие годы, сердечно поздравляют вас с 80-летием со дня рождения, желают и впредь по-моряски активно служить народу и поэзии, чтобы встретиться с вами на «девяностой высоте». Одна из ваших книг называется «На семидесятой высоте», и вышла она, как известно, к семидесятилетию поэта Жарова...

— Вашими бы устами да мед пить...

— Кстати, как ваше здоровье?

— Ничего, как видите, работаю, тружусь понемножку в «Агитплакате», в писательской организации. Я по своей натуре оптимист, поэтому и мои стихи оптимистичны, не люблю нытиков, хлюпиков и прочую слякоть. А на дорогу я вам прочитаю свои стихи, точнее, кусочек из стихотворения «После долгих путей-перепутий»:

После долгих
путей-перепутий
Я стою у окошка с резбой...
Дом родной!
Если время не шутит,
Мы слегка
постарели с тобой.
Но кругом нас —
сады молодые,
Изумрудных полей красота...
Здравствуй, Родина!
Здравствуй, Россия —
Жизнь моя,
и судьба, и мечта!

Мы вышли с Александром Алексеевичем в садик. Жаров завел «Жигули» и, как заправский шофер, подбросил меня до станции...

Беседу вел
Алексей КИРЕЕВ
ПЕРЕДЕЛКИНО.
Апрель 1984 года